

ГЛАВА 1

В глубинах земли струятся потоки темной воды. Глубоко в душах людей струятся мощные потоки тоски, печали, любви, ненависти, отчаяния. Никто не знает о скрытых водах земли. Никто не может прочесть мысли человека. Но все равно — они там. Скрытые глубоко-глубоко.

Иттерхеден¹ — так называлось это Богом забытое местечко в Швеции. Сейчас оно, конечно, стало частью какого-то большого района, и прежнее название забыли. Многое изменилось, природу исковеркали. Но в 1815 году Иттерхеден по праву носил свое имя.

Голая пустошь лежала на краю суши, беззащитная пред яростью моря. Лишь несколько искореженных ветром, почти стелившихся по земле сосен, и, конечно же, вереск могли удержаться здесь. Короткий жесткий вереск перемежался с торчащей то тут, то там редкой травой.

Отступив от моря, берег вздымался холодными бесплодными скалами, а за ними тянулись

¹ Дальняя вересковая пустошь

красивые мягкие очертания холмов — и так до леса, огромного и непостижимого.

В то время в Иттерхедене жило совсем немного людей. Это был крохотный шахтерский поселок. Большинство домов было разбросано между скалами и холмами, ведь только они могли спрятать от постоянно дующего с моря ветра. Да на самой пустоши стояла пара домов. На окнах с растрескавшимися подоконниками все время колыхались от ветра занавески. А к наружным стенам ни смола, ни краска никогда не приставали надолго.

Рыбаков в Иттерхедене не было. Море там слишком беспокойно, а у пустоши к тому же куча подводных камней у самой поверхности. Рыбачьи поселки начинались, по меньшей мере, через пару миль отсюда.

Весной пустошь казалась прекрасным видением, которое потом долго с тоской вспоминаешь. Ярко-зеленая молодая трава и армерии не жилились на солнце под прозрачным небом, над бескрайними просторами высоко парили птицы. В бабье лето пустошь на какое-то время тоже становилась прекрасной — она пламенела. Это цвел вереск. Но поздней осенью, когда цвет вереска менялся на пепельно-серый, а шторма безжалостно иссекали море, делая его белым, когда все тонуло в полумраке, Иттерхеден казался истине недобрым местом. И тогда люди прятались в свои маленькие дома и просили Господа уберечь их от ярости стихии.

В 1815 году в это местечко между морем и лесами пришла девушка из рода Людей Льда. Это была Анна-Мария, дочь Олы Улловсона, единственная внучка Ингелы.

Она родилась в сентябре 1796 года в усадьбе Шенас в Вингокере. Ее отец, Ола, со страхом искал в ее лице черты проклятых. Но ничего не нашел. Лицо оказалось правильным, с точными чертами, и когда малышка пару дней спустя широко открыла глаза, они были похожи на глаза большинства новорожденных. Может, чуть больше, может, чуть сильнее удивлявшиеся огромному светлому миру вокруг. Вместо волос у нее был тонкий и нежный короткий пушок на макушке, ничуть не темнее обычного. Ручки, ножки, плечики... — все было совершенно.

Отец вздохнул с облегчением.

Но никогда нельзя быть абсолютно уверенным. Его собственный дядя, Сёльве Линд из Людей Льда, вначале тоже был вполне нормальным. Как и Тронд, живший давным-давно. Черты проклятых появились у обоих позднее.

Девочку окрестили, назвав Анна-Мария в честь родственницы, которая надолго потеряла свое имя и звалась вместо этого. У этой самой Гуниллы случился выкидыш, ребенок погиб. И все надеялись, что именно этот ребенок и был проклятым в их поколении.

Анна-Мария росла, купаясь в любви. Она не была столь решительной, как Винга, но в улыбке

ее таились спокойная уверенность и сила. Девочка оказалась молчаливой, часто играла сама по себе, но иногда просто подходила и клала голову на колени своей матери, Сары. Это было как внезапное признание в любви. Анна-Мария совсем не производила впечатление несчастной девочки. Ее все любили, воспитывать ее было несложно, она жила так, как хотела.

Когда пришло время конфирмации, собралась вся родня — как с материнской, так и с отцовской стороны. Из родственников матери лишь одна кузина Сары Биргитта оказала какое-то влияние на жизнь Анны-Марии. Впрочем, не будем говорить о родне, просто назовем всех доброжелательных людей, которые любовались четырнадцатилетней девчушкой и привезли ей красивые подарки.

С отцовской стороны там, конечно же, была бабушка Ингела. Они стали очень близки с внучкой, бабка сильно баловала ее. Но Анна-Мария не принадлежала к тому типу детей, которых может испортить столь явная любовь и забота. Она сохраняла свою спокойную улыбку и была вежлива со всеми.

Еще приехала родня из Смоланда. Старик Арв Грип из рода Людей Льда и его жена Сири. Детей страшно забавляли эти имена. Сири. А мать Анны-Марии — Сара. Сири — Сара. Арв приехал со своей дочкой Гуниллой, которая преподнесла Анне-Марии особенно хороший подарок,

поскольку девочку называли ее настоящим именем. Муж Гуниллы, Эрланд Бак, стал важной персоной, но, пожалуй, этот дородный крикун чересчур много хвастался. Правда, хвастунишки бывают довольно приятными, если достаточно наивны. А Эрланд оказался именно таким.

У них была дочь, Тула, на много лет младше Анны-Марии. Пухленькая добродушная девчушка с совершенно неотразимым веселым смехом.

Еще прибыли трое гостей из Норвегии. Добраться до Швеции им оказалось не так-то просто, в норвежском государстве было неспокойно. На дворе стоял 1810 год, патриотические чувства достигли невиданного накала, норвежцы намеревались разорвать союз с Данией, так что датчане зорко стерегли свои границы.

Тем не менее, Хейке, Винге и плутишке Эскилю, их сыну, хоть и с некоторыми трудностями, но удалось добраться до Шенаса. Эскиль был на год младше Анны-Марии. Он рос настоящим чертенком, у него в крови было слишком много озорства Винги и слишком мало рассудительности Хейке.

Когда конфирмация была уже позади, у троих детей и еще кое-кого из родственников с материнской стороны началось настоящее веселье. Эскиль изобретал такие проделки, что девочки только рты раскрывали, тихая Анна-Мария сияла.

Это были великолепные дни, взрослые могли поговорить друг с другом. Все чувствовали себя превосходно.

На встрече обсудили вот какой вопрос: у двух шведских ветвей рода, Ингелы и Арва, появились проблемы с именем «Люди Льда». В стране, где было так много дворян, многих раздражало, что они добавляли к своей фамилии еще и какое-то «из». И шведы из рода Людей Льда решили, что, начиная с младшего поколения, Анны-Марии и Тулы, добавления «из рода Людей Льда» больше не будет.

Хейке и Винга сожалели об этом, у них в Норвегии никаких сложностей не возникало, и они не собирались отказываться от этого имени.

Ингела сказала:

— Но вы же понимаете, что несмотря на это, мы не теряем связь с вами! Внутри каждой семьи имя Люди Льда сохранится, и я прошу вас троих, дети, Эскиль, Анна-Мария и Тула, никогда не забывайте, что вы Люди Льда! Если будет трудно, ищите помощи у родных! Никогда не теряйте связи с ними!

Дети торжественно кивнули. Они были уже достаточно большими, чтобы знать историю Людей Льда, и гордиться своим наследием.

Потом гости разъехались, и для Анны-Марии вновь началась будничная жизнь.

Она получила самое хорошее образование, которое только может получить девушка. Обычная школа, разумеется, и, кроме того — частные уроки, которые ей устроил Аксель Фредрик Оксеншерн. Ведь семья Ингелы по-

прежнему была тесно связана с родом Оксеншерна, так повелось еще со времен Марки Кристианы.

Анне-Марии учение давалось легко, и родители ужасно гордились ей. Казалось, у девочки впереди блестящее будущее. А уж когда придет время, ей, конечно же, найдут подходящего человека. Девушку, казалось, ожидало только счастье.

Но внезапно все изменилось.

В семье издавна существовала традиция: представители рода во время войн сопровождали Оксеншернов. Ола Уловссон не стал исключением. Он отправился сражаться вместе с сыном Акселя Фредрика, Эриком Оксеншерной, одним из высших офицеров в роду. В 1813-1814 годах Эрик был штабным адъютантом у великого Сандельса во время кампаний в Германии, Брабанте и Норвегии. Его имя стало широко известно после битв с армией Наполеона при Гросберене, Даневитце, Рослау и Лейпциге. Эрик Оксеншерна участвовал также в блокаде Маастрихта и битве при Иссебру.

Но Ола Уловссон не смог сопровождать его повсюду: сын Людей Льда пал в битве при Лейпциге поздней осенью 1813 года, и Сара внезапно овдовела, имея на руках семнадцатилетнюю дочь.

Сара тяжело переживала это. Она все глубже и глубже погружалась в горькую депрессию. Оксеншерны покинули тогда Шенас, потому что Аксель Фредрик, отец Эрика, был членом Вер-

ховного Суда, и перебрались поближе к столице. И Сара запретила своей дочери Анне-Марии когда-либо видаться с Оксеншернами. Она считала, что смерть Олы — их вина. Ненависть ее была огромна. «Теперь, наконец, никаких связей Людей Льда с этим родом», — говорила она.

Но Ингела уехала вместе с Акселем Фредриком Оксеншерной и его женой. А Анна-Мария осталась в Шенасе вместе со матерью, рассудок которой все слабел, и не могла сделать ничего, чтобы хоть как-то подбодрить ее.

И однажды — это было в 1815 году — Анна-Мария нашла свою мать мертвой. Сара не выдержала тоски и лишила себя жизни.

Когда девушка стояла у могилы матери и слушала священника, говорившего прощальные слова, она чувствовала, что внутри нее воцаряется смерть. Все прекрасное осталось в прошлом. Позади остались любовь матери и отца. А сами они лежали теперь в холодной земле. Они ушли. Ушли навсегда. Глубоко под землю.

Анна-Мария следовала завету матери никогда больше не видеть людей из рода Оксеншерна. Кроме того, ее бабушка Ингела жила в таком крохотном доме, что для девушки там просто не нашлось бы места, хотя Ингела очень хотела взять внучку к себе.

Из Смоланда и Гростенсхольма пришли примерно одинаковые письма: «Приезжай и живи у нас, здесь достаточно места!»

Но Анна-Мария написала всем в ответ следующее:

«Огромное спасибо, мои дорогие, за вашу исключительную доброту.

Но я хорошенько подумала о том, как жить дальше, и решила вот что: мне дали такое хорошее воспитание и образование, что, кажется, я должна как-то применить их, а не сидеть без дела и жить за счет родственников. Кузина моей дорогой матери, Биргитта, сделала мне предложение, которое кажется весьма заманчивым.

У нее есть подруга, Керстин Брандт. Брата этой Керстин владеет рудником где-то на побережье у Ботнического залива, в местечке, которое называется Иттерхеден. Горный мастер с этого рудника просил найти учителя для детей шахтеров, так как в волости учителя нет. Керстин порекомендовала меня, место будет моим, если я захочу. Я решила принять это предложение.

Я оставляю дом в Шенасе на управляющего, пока меня не будет. Как вы знаете, дом принадлежит моей бабушке, и она хочет, чтобы я когда-нибудь унаследовала его. Так что я не продаю его. Хочу только сначала испытать свои силы, почувствовать, что делаю в этой жизни что-то полезное. Надеюсь, вы все меня поймете».

И они поняли. Анна-Мария была из рода Людей Льда. А им не подобало жить за чужой счет. Они стремились оставить свой след. Хотя

все знали, что Анна-Мария, пожалуй, была из них наиболее богатой, ей не было нужды работать учительницей. Но она хотела! Это было очень похоже на нее.

Анна-Мария написала еще одно письмо, очень искреннее.

Она долго думала, кому довериться. Тема была очень личной, такое не рассказать случайному человеку. Точно не кому-то из мужчин рода, это просто немыслимо. И не Туле, она еще совсем ребенок. Не Винге, они с Анной-Марией были слишком разными. И тем более не бабушке, какой бы хорошей и доброй она ни была. Довериться можно было только Гунилле, Анна-Мария все время ощущала внутреннее родство с ней.

«Дражайшая Гунилла, я хочу открыть тебе тайну, мне кажется, мы с тобой очень близки. Может, потому что носим одно имя?»

Понимаешь, у меня есть своя причина заняться учительством. Помнишь Адриана Брандта, брата Керстин, которому принадлежит эта шахта? Ты видела его, когда вы однажды случайно заехали, а у нас была Биргитта со своей подружкой Керстин и ее братом. Помнишь, как он меня очаровал? Первая, очень тайная влюбленность в моей жизни. Но ведь он был такой стильный и красивый, правда? Немного мечтательный, меланхолический, романтический. Позже я узнала, что он влюблен в другую и именно поэтому выглядел таким